Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.2

ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» (К 90-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ)

© 2021 г. Д.С. Московская

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, г. Москва, Россия

Дата поступления статьи: 23 июня 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 21 июля 2021 г.

Дата публикации: 25 декабря 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465>

Благодарности сотруднику отдела «Литературное наследство» М.А. Фролову за предоставленные материалы заседаний Ученого совета ИРЛИ и расшифровки бесед И. Зильберштейна и С. Макашина, переданные в его распоряжение заведующим Отделом устной истории НБ МГУ Д.Б. Споровым и М.В. Радзишевской.

Аннотация: В статье на основе новых архивных материалов рассматривается история издания «Литературное наследство» («ЛН»). Инициация издания приходится на 1931 г., когда архивно-публикаторская деятельность была скомпрометирована политическими процессами над научной интеллигенцией. Оформленные в политической риторике аргументы автора проекта помогли получить разрешение ЦК ВКП(б) на издание. В 1932 г. после постановления «О перестройке литературно-художественных организаций» «ЛН» становится образцовым академическим изданием и получает международное признание. «ЛН» выработало новую форму работы, когда автор в известной мере находится на положении ученика у редакции. В советское время «ЛН» существует в условиях цензуры и идеологического контроля, однако издает в 1937 г. том, посвященный русскому символизму. 1947–1959 гг., когда редакцию обвиняли в космополитизме, были для «ЛН» тяжелыми. В своей издательской политике «ЛН» опережало время и догматизм читательского восприятия, что вело к секвестированию ряда томов. История «ЛН» — это опыт создания интеллектуальной и идеологической платформы, на которой вызревала новая генерация историков литературы.

Ключевые слова: «Литературное наследство», И. Зильберштейн, С. Макашин, В. Бонч-Бруевич, академическая серия, научная эдиция, источниковедение, история литературы, политика, архив, стенограмма

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>

E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

Для цитирования: *Московская Д.С. Из истории академической серии «Литературное наследство» (К 90-летию издания) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 446–465. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465>*

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

ON THE HISTORY OF THE ACADEMIC SERIES *LITERARY HERITAGE* (FOR THE 90TH ANNIVERSARY)

© 2021. Daria S. Moskovskaya

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: June 23, 2021

Approved after reviewing: July 21, 2021

Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements. The author is grateful to the staff member of the department *Literary Heritage* M.A. Frolov for providing her with the proceedings of the IRLI Scientific Council meetings and to the head of the Department of Oral History of the National Library of the Moscow State University D.B. Sporov and also to M.V. Radzishvskaya for providing her with transcripts of the conversations between I. Zilberstein and S. Makashin.

Abstract: The article examines the history of the publication of the academic series *Literary Heritage* based on new archival materials. The publication was initiated in 1931, when archival and publishing activities were affected by political trials. The author of the draft used political rhetoric to get permission to publish it from the Central Committee of the CPSU(b). In 1932, following the decree "On the Restructuring of Literary and Artistic Organizations," *Literary Heritage* became an exemplary academic publication and received international recognition. *Literary Heritage* developed a new method as it placed the author in the position of a student at the editorial board. In Soviet times, the *Literary Heritage* existed under the conditions of censorship and ideological control but still managed to publish a volume on Russian symbolism in 1937. The years 1947–1959 were difficult for *Literary Heritage* when the editorial office was accused of cosmopolitanism. In its publishing policy, *Literary Heritage* was ahead of time and above the reader's dogmatism which led to the sequestration of several volumes. The history of *Literary Heritage* contributed to creating an intellectual and ideological platform that nurtured a new generation of literary historians.

Keywords: *Literary Heritage*, I. Silberstein, S. Makashin, V. Bonch-Bruevich, academic series, academic edition, source studies, literary history, politics, archive, transcript.

Information about the author: Daria S. Moskovskaya, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>

E-mail: darya-mos@yandex.ru

For citation: Moskovskaya, D.S. "On the History of the Academic Series 'Literary Heritage' (for the 90th Anniversary)." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 446–465. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465>

В августе 2021 г. академическая наука отмечает юбилей первой в советской России авторитетной археографической историко-литературной серии «Литературное наследство» («ЛН») [2]. Со дня основания в 1931 г. и по сей день количество опубликованных томов серии давно перевалило за 100 [3] и продолжает расти; еще около десяти книг в настоящее время находятся в работе. Можно уверенно утверждать, что это многотомное тысяче-страничное издание с первых лет существования и сейчас остается самым востребованным профессиональным сообществом и широким читателем научным историко-литературным археографическим изданием, автором идеи и основателем которого был Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988) [1]. Как отзывался об этой поистине легендарной личности его коллега Сергей Александрович Макашин (1906–1989), более чем полстолетия составлявший с Зильберштейном редакционный дуэт «ЛН», «пафосом и стихией» Ильи Самойловича был «поиск новых источников для творческих биографий писателей <...>. У него какой-то нюх на документы, и он действительно накопил для советского литературоведения обширное количество документов, не только накопил, он их исследовательски обработал и опубликовал»¹.

Научное поле, где до появления в 1931 г. «Литературного наследства» специализировались журналы «Красный Архив», «Каторга и ссылка», «Минувшее», подвизавшиеся в архивных разысканиях на поле публикации документальных материалов «Пролетарская революция», «Звезда», «Новый мир» и издательство «Academia», лишь осваивалось. Громадное число

1 Выступление С.А. Макашина на Приемной комиссии Московской писательской организации, 1968 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 88.

постоянно пополнявшихся в 1920-х гг. государственных и частных литературных архивов с ценнейшими первоисточниками по истории русской и мировой литературы большого культурно-исторического значения не было разработано. То, что становилось доступным благодаря публикациям «по случаю», не отвечало требованиям научной эдиции. Документоведческий, научно-эдиционный проект Зильберштейна изменил положение, хотя время для его инициации было выбрано крайне неудачно. В стране развернулось «шахтинское дело» научной интеллигенции, и в эпицентре направленного взрыва оказались ученые-архивисты: дала о себе знать «политическая порочность» неконтролируемой архивно-разыскательской деятельности. Обнаружение в 1929 г. в фондах Пушкинского Дома и Археографической комиссии незарегистрированных исторических документов царского периода [12, с. 685] было воспринято ЦК как предательство идей социализма со стороны ведущих членов Академии наук, в 1931 г. подвергшихся репрессиям как враги народа. Разыскания в области недавней российской истории остро поставили вопрос о месте документа в историческом познании. Конец разномыслию в отношении исторического факта был положен статьей Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» [18], и довод «всякий большевик знает...» стал достаточным аргументом в споре с теми, кто ставил документальное свидетельство выше сталинской версии истпарта. Отныне архивы были уделом «либеральных историков-фальсификаторов». Иначе говоря, создание «ЛН» выпало на тот момент, когда архивно-разыскательская деятельность из плоскости научной перешла в социально-политическую, став синонимом испытания на идеологическую зрелость.

И. Зильберштейну, «человеку неунывающему» [11] и осторожному, удалось этот искуc выдержать. Пригодился опыт и связи в издательском деле — сотрудничество с «Academia», дружба с П. Щеголевым и М. Кольцовым, вера в собственные силы и, конечно, молодость с ее «поисками оптимизма», к которому в те годы призывал впавших в политическую депрессию интеллигентов К. Зелинский [9]. Сказалась и политическая интуиция. И. Зильберштейн сделал ставку на Л. Авербаха — руководителя самой авторитетной в годы первой пятилетки литературной институции, Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), позиционировавшей себя как идеолога и организатора литературного процесса, выразителя генеральной линии ВКП(б) в литературе. В 1929–1931 гг. РАПП последо-

вательно вел борьбу «со всевозможными видами извращения марксизма в области литературоведения»². Для успеха проекта было важно и то, что сам И. Зильберштейн оказался на «хорошем счету» у пролеткритиков, еще в 1926 г. отметивших в журнале «На литературном посту» научные достижения этого молодого ученого, выявившего и опубликовавшего новые материалы из пушкинского архива³. И. Зильберштейн, одержимый своей идеей ученый-профессионал, в методологическом начинании РАПП увидел возможность реализации своего политически двусмысленного и отчасти уже скомпрометированного замысла. В записке, адресованной руководству РАПП в начале мая 1931 г., он акцентировал политические выгоды, которые получит Ассоциация, если проект «ЛН» будет ею поддержан: «Архивные фонды русских писат^{елей} и предст^{авителей} общ^{ественной} мысли — неовлаженный участок литерат^{уры} РАППом, — напоминал он, попутно приводя аргументы, призванные спровоцировать Авербаха и вовлечь в проект РАПП, чей внутренний враг, Литфронт, «захватил П^оушкинский» Д^{ом}»⁴. В состав редколлегии И. Зильберштейн наметил яркие политические фигуры и известных ученых-специалистов — Л. Каменева, Л. Авербаха, В. Десницкого, В. Бонч-Бруевича, В. Максакова.

Спустя месяц, 17 июня 1931 г., на заседании секретариата РАПП под председательством Л. Авербаха было принято постановление о насущной необходимости «издания историко-литературного журнала»⁵. Докладная записка РАПП и ИЛИЯ, составленная И. Зильберштейном и переданная заведующему Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) А. Стецкому не ранее 25 июня 1931 г., строилась на цепочке идеологически выверенных доводов, слегка оттененных научными соображениями:

Последний участок историко-литературной науки, до сих пор остающийся почти полностью в руках буржуазных и антимарксистских литературоведов, — это разработка и публикация вновь находимых и неизданных материалов по истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

2 ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 62 об.

3 На литературном посту. 1926. № 4. С. 62.

4 РГАЛИ. Ф. 3290 (И.С. Зильберштейн). Не разобран. Здесь и далее материал из фонда И. Зильберштейна предоставлен М.А. Фроловым.

5 ОР ИМЛИ. Ф. 40. Ед. хр. 49. Л. 42.

Полное отрицание Переверзевым и формалистами за архивными материалами значения в деле изучения литературы привело к тому, что даже их ученики и последователи оказались совершенно отстраненными от производившийся в последние годы подготовки к печати подобных материалов. Вот почему этот участок литературоведения оказался целиком захваченными правыми литературоведческими группами. <...> Именно поэтому в разработке литературных материалов царил полнейший отрыв от актуальных вопросов истории русской общественной мысли. Основная часть публикаций этих материалов шла не дальше пушкинской эпохи, и то больше по линии крохоборческих разысканий ненужных биографических подробностей из жизни писателей. Документы же большого фактического и политического значения, которые попадали им в руки, появлялись в печати без соответствующего редакторского аппарата, в своих же комментариях эти литературоведы не давали никакого представления о классовой сущности впервые публикуемого материала. И наконец такое положение вещей сделало возможным то, что в их комментариях к новым материалам неоднократно делались завуалированные, а иногда и открытые антисоветские выпады. Так пушкинист Лернер (оказавшийся деятельным сотрудником белой печати и недавно высланный) доходил в своих комментариях до террористических призывов (см. его комментарии к новооткрытым строфам «Юдифи» Пушкина), или пользуясь возможностью опубликовать записку Гоголя к Жуковскому подобрал контрреволюционный комментарий для характеристики революции 1848 г.; другой пушкинист — Модзалевский, имевший большое число подражателей, строил комментарий к литературному памятнику лишь по линии бесконечных и геральдических экскурсов, из-за чего получалась сплошная монархическая апология в характеристиках дворянских представителей литературных группировок прошлого столетия <...> Одной из причин, по которым РАПП до сих пор не овладел этим участком, является отсутствие соответствующего органа печати. <...> Так как на Западе существует огромный интерес к подобным изданиям, можно будет, между прочим, пустить на экспорт большую часть тиража [РГАЛИ. Ф. 3290 (И.С. Зильберштейн)].

Оформленные в политической риторике резоны И. Зильберштейна — единственные, которые могли способствовать положительному решению ЦК.

1 августа 1931 г. И. Зильберштейн уже приступил к работе в качестве заведующего редакцией «ЛН».

Программа журнала, заявленная в редакционной статье первого номера, по духу и смыслу рапповская (о ней с отвращением позже вспоминал С. Макашин), обещала читателям не «академический» журнал, убежище «архивных крыс» и «либеральных историков-фальсификаторов», а боевой большевистский орган [16, с. 2]), была немедленно скомпрометирована публикацией без «серьезной обработки ответственного материала по истории марксизма в России» [7]. Цензура не пропустила подборку писем марксистов к Н. Михайловскому, которая была вырезана из уже сверстанного и переплетенного тома. Это были не единственные «проколы» редакции. За ними последовала политически необдуманная попытка опубликовать записи выступлений Ленина, где цензура выявила троцкистские суждения вождя большевиков о перманентной революции. По воспоминаниям С. Макашина, «ЛН» удалось тогда сохраниться лишь благодаря поддержке Сталина.

Спустя год после принципиального решения о создании журнала И. Зильберштейн, уже на фирменном бланке «ЛН» с указанием адреса редакции (Страстной бульвар, д. 11), обращался в Центральное архивное управление (ЦАУ) с конкретными заказами на архивные разыскания. Его интересовал в рукописном фонде бывшей «собственной императорской библиотеки» альбом Александры Федоровны, супруги Николая I, в котором имелся автограф Гёте и другие документы великого веймарца. «ЛН» готовился вместе с Академией наук к празднованию столетия смерти поэта и выпустил гётевский том, первый, где «ЛН» вышло за пределы национальных архивов, и с того момента круг источниковедческих поисков редакции «ЛН» более не ограничивался отечественными архивами. Как следует из записки И. Зильберштейна председателю правления Журнально-газетного объединения М. Кольцову и ответственному редактору журнала «Литературное наследство» Л. Авербаху от 11 января 1934 г., ее автором были установлены судьба и местонахождение за границей ряда крупных историко-литературных фондов, представляющих большой научный интерес и до сих пор не изданных. Среди них — архив А. Герцена, поиски которого с 1910-х гг. вел М. Лемке для своего 22-томного издания сочинений Герцена. Зильберштейн восстанавливает столь дорогие для каждого архивиста и

текстолога пути и этапы разысканий, которые привели его в Ягеллонский музей Варшавской Национальной библиотеки и Пражский Русский заграничный исторический архив, где находились ценные материалы по истории русской культуры XIX в. Зарубежные архивы легли впоследствии в основу довоенного двухтомника «А.И. Герцен» (1941, т. 39–42), 64-го тома «Герцен в заграничных коллекциях» (1958), 96-го тома «Герцен и Запад» (1985), двух книг 99-го тома «Герцен и Огарев в кругу родных и друзей». В них были опубликованы материалы, полученные в результате переписки и личных переговоров с представителями государственных и частных архивных собраний Англии, Швейцарии, Франции, Нидерландов, Италии, США, благодаря которым, по словам С. Макашина, «весь фонд заграничного архива Герцена, Огарева, хотя наполовину и не в подлинниках» оказался сосредоточен на родине. Права на доступ к зарубежным архивам «ЛН» искало на самом высоком уровне. Например, для получения разрешения на осмотр Русского заграничного исторического архива в Праге был привлечен полпред СССР в Чехословакии С. Александровский, а работа в этом архиве была одобрена самим Т. Масариком. Стоит ли говорить, что главный редактор «ЛН» неоднократно в довоенные годы командировался в Прагу, Париж и Варшаву — для работы в названных выше архивных фондах. Очевидно, был прав С. Макашин: «...не было тех целей и задач, которые он (Зильберштейн. — Д.М.) не мог бы достигнуть»⁶.

Не менее продуктивен был и С. Макашин, еще в 1932 г. предпринявший беспрецедентные поиски первоисточников к творческой биографии М. Салтыкова-Щедрина [13] и продумавший с опорой на них «салтыковский том» «ЛН»: «Я привез из Ленинграда готовый план специальной салтыковской книжки <...>: правдами и неправдами <...> я добился того, что нам даются для использования все те неизданные и вновь найденные материалы, которые должны появиться в академическом издании. Я уладил таким образом вопрос не только с ИРЛИ, но и с ЛЕНГИХЛОМ, и со всеми салтыковистами. Я отобрал из всех громадных вновь выявленных фондов все наиболее ценное и острое, что расплыено у них в издании <...>. Книжка эта будет событием»⁷.

6 Расшифровка беседы М.В. Радзишевской с С.А. Макашиным, 1 июня 1985 г. // Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. № 908.

7 Письмо С.А. Макашина И.С. Зильберштейну от 9 октября 1932 г. // Из переписки И.С. Зильберштейна и С.А. Макашина (1932–1958) / публ. Н.Б. Волковой; подгот. текста А.Ю. Галушкина и М.А. Фролова; коммент. М.А. Фролова. Публикация, по материалам

Редакция «ЛН» уже не просила, она брала инициативу в свои руки, включая финансовые рычаги для организации поисковой работы. На счет ЦАУ И. Зильберштейн внес аванс в размере немалой для тех лет суммы в 1 000 руб. для оплаты труда сотрудников, вовлеченных в архивные поиски. Когда очередное письмо не возымело действия, в феврале 1933 г. И. Зильберштейн обратился в коллегии Центрархива СССР с жестким требованием: «Несмотря на неоднократные попытки редакции “Литературного Наследства” привести в систему свои взаимоотношения с Центрархивом, до последнего времени нами не достигнуто окончательной договоренности о принципах нашей совместной работы. Если журнал “Литературное наследство” с первого же своего номера явился, по отзывам таких авторитетных органов, как “Правда”, большим завоеванием марксистско-ленинской критической мысли, то с выходом в свет гетевского тома этот первый советский историко-литературный журнал получит, несомненно, мировое признание.<...> Буквально со всеми основными архивохранилищами Союза мы вступили уже в договорные отношения по вопросам разысканий и публикаций материалов, хранящихся у них. <...>. А с Центрархивом СССР, кроме одного договора на письма Тургенева к Анненкову, у нас нет никакой конкретной, а тем более договорной связи. <...> Мы сейчас широко развернули свою работу — кроме перечисленных выше специальных номеров, которые выпускаются нами в текущем году, мы с января месяца получили разрешение на выпуск специальной Библиотеки “Литературного наследства”, отдельные книжки которой будут давать тематически объединенное в единое целое материалы по истории русской литературы и по истории русской общественной мысли. Это начинание наше дает возможность Центрархиву СССР выпускать у нас крупные связки историко-литературных материалов под собственной маркой. <...> За все эти мелкие публикации мы оплачиваем за право печатания их текстов по выходе номеров из печати»⁸.

Освободившееся в 1932 г. после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от рапповского ига, «ЛН» последовательно воплощало в жизнь научную программу И. Зильберштейна — «раскрыть архивные недра», «издать неизданное», «искать

личного архива И.С. Зильберштейна (РГАЛИ. Ф. 3290, не разобран), готовится к печати в составе тома к 90-летию «Литературного Наследства».

8 ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Ед. хр. 2565. Л. 100.

новое, неопубликованное, неизвестное, забытое, затерянное, собрать во-едино несобранное» [6]. За первые пять лет существования «ЛН» издало 24 номера, два из которых, щедринские тома, получили высокие оценки «Правды». И. Зильберштейн с гордостью их цитировал: «Можно сказать без всякого преувеличения, что за все десятилетия после смерти Щедрина либерально-буржуазная и народническая литература о Щедрина не проделала такого огромного и плодотворного труда, какой представлен в этих сборниках <...>. Он сделан подлинными друзьями Щедрина — тт. И. Зильберштейном и С. Макашиным. И по подбору материалов, и по его обработке щедринский сборник представляет ценное достижение советской культуры в области литературоведения» [14, с. 567–568].

Бескомпромиссность, когда речь шла о качестве очередного тома, и новая форма редакционной работы, когда «редакция не только заказывает статью, но оказывает широкую помощь автору, выписывает материалы, находит материалы, дает материалы, наталкивает на новые, чрезвычайно интересные источники», когда «коллектив авторов в известной мере находится на положении ученичества у редакции»⁹, все эти свойства, которые М.П. Алексеев в своем выступлении на Ученом Совете ИРЛИ просил упомянуть будущих историков «ЛН», превратили любимое детище И. Зильберштейна в образцовое академическое издание, завоевавшее международный авторитет и участие в котором зарубежные и отечественные ученые почитали за честь.

В 1937 г. руководство Журнально-газетного объединения («Жургаз»), к которому было приписано «ЛН», было арестовано, в 1938 г. ликвидировано, журнал «Литературное наследство» передан сначала в Гослитиздат, затем издательству Академии наук СССР. С этого момента «ЛН» официально приобретает академический статус, на который изначально содержательно был ориентирован проект И. Зильберштейна, в 1931 г. в угоду времени одетый в политические лозунги. На заседании Президиума Редакционно-издательского совета АН СССР от 28 июня 1938 г. в присутствии С. Вавилова, В. Бонч-Бруевича, М. Цявловского, Е. Лихтенштейна,

9 «Мы никогда не были изданием узковедомственным...» Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 25 июня 1947 г. / публ. А.Ю. Галушкина; коммент. М.А. Фролова при участии С.И. Панова. Эта публикация, основанная на материалах фонда С.А. Макашина (НА ТГОМ. Ф. Р-13) и ПФА РАН (Ф. 150), готовится к печати в составе тома к 90-летию «Литературного наследства».

К. Островитянова было принято решение о сосредоточении публикации «всех архивных материалов по истории литературы и общественной мысли, а также статей, комментирующих эти материалы, в переданных Академии Наук сборниках “Литературное наследство”», и «ЛН» было утверждено «в качестве органа Института Литературы АН»¹⁰.

В 1947 г. на заседании Ученого совета ИРЛИ И. Зильберштейн сформулировал принципиальное отличие «ЛН» от других, осуществлявшихся в те же годы археографических изданий: «Прежде всего, мне хотелось бы отметить то принципиальное, что резко отличает нашу работу по выявлению и разработке документальных источников по истории русской литературы и общественной мысли от того, как велась эта работа раньше, и нередко от того, как ведется она в настоящем, возьмем, например, сборник “Звенья”. Их работа строилась, грубо говоря, на основе самотека: исключительное большое место принадлежало в их публикаторской практике фактору случайности. <...> В “Литературном наследстве”, принимаясь за разработку той или иной темы, мы, как правило, начинали с того, что предпринимали самое тщательное обследование всех архивов, в которых могли находиться связанные с нашей темой материалы, при этом — архивов не только советских, но и зарубежных. Систематически работая с нашими авторами, мы всегда стремимся к тому, чтобы предоставить в их распоряжение возможный максимум материалов. <...> Я мог бы привести десятки примеров, когда в нашем издании, в “Литературном наследстве”, соединялись в одной публикации дробные осколки единого в прошлом фонда, который в наши дни оказывался распыленным по четырем-пяти хранилищам. <...> Мы никогда не ставили целью публиковать документ ради самой документации, а всегда старались поднять этот документ до принципа исследовательской обработки»¹¹.

Феноменальные организаторские способности творческого тандема И. Зильберштейна и С. Макашина — «искусная организация творческого процесса», по словам М. Алексеева, когда необходимо было решить вопрос с финансированием, заключением договоров с исполнителями — исследователями, публикаторами, переводчиками, вести поиск полиграфической

10 Архив РАН. Ф. 454. Оп. 1. Ед. хр. 5. См.: Там же.

11 «Мы никогда не были изданием узко ведомственным...». Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 25 июня 1947 г.

базы; их редкая работоспособность, сказывающаяся с особенной яркостью, когда речь шла о формировании сразу нескольких томов «ЛН», редакционной работе с тысячами рукописями и версткой, и исключительная целеустремленность, когда редакция «ЛН» вступала на часто исполненный интриг путь борьбы с конкурентами [20] за уникальные архивные материалы, как, например, было при подготовке «некрасовского» тома. Письмо В. Бонч-Бруевича, адресованное И. Зильберштейну 16 мая 1950 г., полно упреков последнему в том, что «ЛН» узурпировало переписку Н. Некрасова с В. Лазаревским для некрасовского тома, «очевидно забыв, что все письма Некрасова к Лазаревскому были приобретены ГЛМ и печатаются у нас в № 8 “Звеньев”»¹². К моменту этого обращения судьба любимого детища В. Бонч-Бруевича, издательства Литературного музея, и его собственная судьба как главного редактора была уже решена. Новые книги сотрудников ГЛМ начали выходить уже в Государственном издательстве культурно-просветительской литературы, а 30 декабря 1950 г. В. Бонч-Бруевич лишился своей должности в ГЛМ. Таков был итог острой конкуренции на рынке архивных публикаций, участие в которой принял сотрудник ИМЛИ и «ЛН» З. Паперный. Его перу принадлежала разносная рецензия «Либеральное недомыслие» в «Литературной газете» 10 января 1948 г., в то время возглавляемой бывшим секретарем РАПП, литературным критиком В. Ериловым, на книгу Н. Анциферова «И.С. Тургенев. 1818–1883» (под редакцией В. Бонч-Бруевича) [15]. З. Паперному принадлежал также уничтожающий отзыв в «Литературной газете» от 1 марта 1950 г. «Сергей Никифорович, его родные и близкие», приведший к гибели десятого по счету тома «Летописей» Гослитмузея, где было опубликовано полное собрание сочинений поэта XIX в. С. Марина [17].

Несмотря на авторитетность и связи И. Зильберштейна, судьба «ЛН», как вспоминал С. Макашин, в конечном счете зависела «от тех задач, которые выдвигаются в области освоения и разработки культурного наследия прошлого практикой строительства коммунизма в нашей стране»¹³. Поли-

12 РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 6. Ед. хр. 159. Л. 2.

13 Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 29 июня 1949 года // ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1949) / публ. К.М. Азадовского, А.Ю. Галушкина; коммент. М.А. Фролова при участии С.И. Панова. Эта публикация, основанная на материалах фонда Ф. 150 ПФА РАН, готовится к печати в составе тома к 90-летию «Литературного Наследства».

тическая цензура и идеологический контроль со стороны ЦК никак не облегчали редакции «ЛН» ее общепризнанного положения на передовом крае отечественной историко-литературной науки. «ЛН» приходилось постоянно быть на чеку. Главный редактор «ЛН» П. Лебедев-Полянский признавался в 1947 г.: «Несмотря на некоторую осторожность, все-таки некоторые срывы в нашей работе были. К чему это приводит? Вот работа М.П. Алексеева. Я ее два раза читал от корочки до корочки, и третий раз буду читать. Первый раз читал, когда у нас были сердечные отношения с Англией, второй раз прочитал, когда у нас эти сердечные отношения изменились и стали “сердечными” в обратном смысле слова»¹⁴.

Работа на одном из самых опасных участков литературного фронта сталинской эпохи — публикации архивных документов — обнаруживает исключительную способность «ЛН» к выживанию. Вызывает вопросы, как в 1937 г. И. Зильберштейну удалось издать прекрасно иллюстрированный том «ЛН», целиком посвященный русскому символизму, с публикацией исследований по философии, поэтике, языку, эстетическим программам, политической позиции символистов, с обзорами, указывающими местонахождение архивов, с опытами библиографии литературного наследия А. Блока, В. Брюсова и недавно умершего А. Белого¹⁵. Как дерзкий вызов власти предержащим можно рассматривать прием на работу подвергавшегося аресту и заключению дворянина С. Макашина в 1931 г., бесстрашная переписка И. Зильберштейна с НКВД по вызволению Макашина из ссылки, осужденного 12 октября 1941 г. ОСО НКВД к пяти годам лагерей (по ст. 58, п. 10), создание всевозможных условий для появления на свет фундаментальной работы репрессированного С. Дурылина «Русские писатели у Гете в Веймаре» в начале 1930-х гг., разрешение в 1944 г. на участие в герценовских томах того же Н. Анциферова, трижды судимого как «каэра», и, наконец, попытки в 1948 г. опубликовать работы отбывавшего ссылку Ю. Оксмана.

1947, 1949, 1959 гг. были для «ЛН» особенно тяжелыми, когда редакции грозила серьезная опасность. В условиях борьбы с космополитизмом издание лермонтовского тома с «порочными» статьями компаративистского толка Б. Томашевского и Л. Гроссмана вызвало разборки в прессе [10].

14 «Мы никогда не были изданием узко ведомственным...». Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 25 июня 1947 г.

15 РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 76 а.

Были признаны «политически ошибочной» статья В. Мануйлова «Лермонтов и Краевский», «антиисторичной, субъективно-психологической» работа С. Дурылина «Врубель и Лермонтов», сблизившего «протестующе-обличительные устремления» лермонтовского «Демона» с «декадентским творчеством Врубеля», что потребовало серьезного разбора деятельности редакции «ЛН» на Ученом совете ИРЛИ.

Но и здесь, перед лицом «научной и партийной общественности» И. Зильберштейн и С. Макашин аргументированно и бесстрашно защищали своих авторов и коллегиальное решение редакции: «Нельзя сказать, что редакция не видела этого органического порока статьи С.Н. Дурылина. Нет, редакция видела этот порок. Статья возвращалась автору для переработки, она правилась, и в редакции вопрос о возможности ее напечатания возбуждал большие сомнения и споры. И если за всем тем порочная статья С.Н. Дурылина оказалась напечатанной и вызвала справедливую критику, то лишь потому, что редакция, желая спасти тот ценный фактический материал, который собран в статье, примиренчески отнеслась к существенным принципиальным, методологическим недостаткам работы, проявило здесь своего рода “делячество”»¹⁶.

Четыре неудачных попытки издания пережил блоковский том. Цензурные изъятия коснулись уже упомянутых 1-го и 7/8-го томов и 80-го тома «Ленин и Луначарский». Но все это несравнимо с травлей 65-го тома «Новое о Маяковском», подготовка которого пришлось на хрущевскую оттепель. В журнальной периодике уже звучали имена Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Ф. Искандера, Ю. Мориц, В. Федорова, Б. Окуджавы, В. Гордейчева, Ю. Казакова, Ю. Трифонова, М. Щеглова, публиковались стихи Б. Корнилова, П. Васильева, Д. Кедрина, Вс. Багрицкого, П. Когана. Но «бронзовому монументу на Триумфальной площади Страна Советов не могла позволить <...> лирическую слякоть» [8] любовных писем поэта. И. Зильберштейн и сотрудники «ЛН» лишь по счастью избежали судьбы, в 1940–1950-е гг. постигшей профессорско-преподавательский состав советских вузов [19]. Инициированная Л. Маяковской критическая проверка содержания тома получила поддержку в Политбюро, а 31 марта 1959 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей признала грубой ошибкой

16 Из стенограммы заседания Ученого Совета Института Литературы АН СССР 29 июня 1949 года // ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1949).

Отделения языка и литературы Академии наук СССР, под эгидой которого существовал «ЛН», выпуск 65-го тома «Новое о Маяковском». Однако заступничество лауреата Ленинской премии Луи Арагона с его родственными связями с Л. Брик погасило волну. И. Зильберштейн остался редактором издания, выход второго тома о Маяковском был запрещен (не опубликован он и до сих пор), а для «ЛН» с этого момента начался третий этап институционального существования, теперь уже под юрисдикцией ИМЛИ РАН — в те времена флагмана партийного литературоведения [5].

Редакция «ЛН» обладала необходимой для выживания гибкостью. В 1970 г. в работе над томом «Ленин и Луначарский» И. Зильберштейн внял совету заведующего Центральным партийным архивом А. Соловьева: «Ну, чего вы настаиваете? Ну, выбросите» — и «выбросил» записку Ленина к В. Менжинскому с просьбой отпустить за границу умирающего Блока и злой ответ ему Менжинского. Не столь кроток он был в реакции на разнос, учиненный ему Главлитом за том «Горький и Леонид Андреев». В ОР ИМЛИ сохранился автограф его письма от 10 ноября 1964 г.: «Уважаемые товарищи! Редакция “Литературного наследства” внимательно ознакомилась с Вашими пометками на листах 72-го тома “Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка”. Графический характер пометок и отсутствие объяснительной записки затрудняет во многих случаях пояснение мотивов, по которым те или иные места текста привлекали к себе Ваше внимание, так и Ваших конструктивных предложений или пожеланий. Подавляющее большинство пометок относится к тем местам в публикуемых архивных документах, в которых содержатся куски и характеристики явлений и деятелей прошлого, не совпадающие с нашим современным отношением к ним. Неясно, однако, чего же хочет здесь Главлит. Не изъять же полностью или частично — этих историко-литературных документов? Тогда вообще нужно было бы взять под сомнение публикацию историко-литературных документов? Тогда вообще нужно было бы взять под сомнение публикацию историко-литературных материалов далекого уже исторического прошлого»¹⁷. В другом варианте того же письма он уже откровенно шел ва-банк: «Уважаемые товарищи! Большинство Ваших замечаний имеет сугубо формальный и антиисторический характер»¹⁸.

¹⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 575. Карт. 96.

¹⁸ Там же.

Материалы архива не содержат информации о том, какой именно текст поступил в Главлит, однако сочетание наступления с готовностью пойти на уступки, в частности, на изъятие из верстки публикации А. Наумовой с выступлениями М. Горького по делу М. Бейлиса, как ни старался их сохранить И. Зильберштейн («Взгляды Горького по этому вопросу полностью совпадают с позицией Ленина. Горький не мог не выступать против погромов, так как был великим гуманистом. Абсолютно непонятно, почему Главлит берет под подозрение соответствующие высказывания Горького»¹⁹) — дали желаемый результат. Публикация тома с оговоренными купюрами была разрешена.

Как справедливо отмечал А. Галушкин, источниковедческие стратегии и эдиционно-текстологическая практика редакции «Литературного наследства» часто были уникальны. Обнаруженные в фонде «ЛН» ОР ИМЛИ внутренние рецензии подтверждают эту мысль и свидетельствуют о «ЛН» как литературной институции, формировавшей на протяжении многих лет в непростых идеологических условиях собственную научную школу текстологии и археографии, благодаря чему опубликованные тома «ЛН» представляют и сегодня во многих отношениях образцовую академическую серию. Этим объясняется необходимость анализа и публикации внутренних рецензий «ЛН», текстологических записок, определяющих порядок подготовки рукописей и проч. К этому можно добавить, что в дошедших до нас рецензиях и отзывах раскрываются некоторые принципы цензурирования текстов томов и подходы к автоцензуре со стороны составителей и редакторов «ЛН», дополняющие картину историко-литературного процесса времени.

Отличительными чертами работы редакции «ЛН» над очередными томами, которые вели к характерному для «ЛН» «долгострою», были неутомимый и постоянный поиск все новых и новых архивных источников, что вызывало разрастание материалов до пяти и более томов (ср. судьбу герценовской темы, или выросший из плана на две книги тома «ЛН» «А. Блок. Новые материалы и исследования», который по факту был значительно превышен: как известно, «ЛН» издало пять книг, посвященных А. Блоку); «делячество», требующее времени для поиска, отбора, согласования, борь-

19 Там же.

бы за сохранение неугодных власти авторов для высококачественной исследовательской и комментаторской работы, и, наконец, неизбежный для становящегося очередного тома период научного вызревания, когда собирался и осмыслился исключительно новый и незнакомый материал. В последнем редакция «ЛН» часто опережала своего читателя. Так было с уже упомянутым выше «маяковским» томом. Архив сохранил характерную реакцию читателей, возмущившихся намерением «ЛН» сделать достоянием общечеловечности не то письмо В. Маяковского, «которое дает что-то новое с точки зрения познания взглядов поэта, его творчества, его взаимоотношений с единомышленниками или разномышленниками, его политического облика», а «то самое интимное, предназначавшееся для одного единственного человека»²⁰. Общей неготовностью общества воспринять свободное от идеологических и эстетических ограничений творчество объясняются немалые информационные потери при подготовке, например, 93-го тома «ЛН» «Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования», начало работы над которым относится к 1967 г., а завершение — к 1983 г. Смена политической ситуации — от хрущевской оттепели к брежневскому застою — потребовала секвестирования представленных Т. Никольской и М. Мейлахом прозы Л. Добычина и поэзии обэриутов, но как в этом случае, так и во многих других способствовало созданию интеллектуального и материального резерва «ЛН» — не вышедших его томов или приложений к ним [4].

Не вышедшие тома «ЛН» и по сей день — ценный резерв для новых архивных публикаций, как, например, неопубликованный биобиблиографический словарь-справочник, приложение к 78-му тому «Литературного наследства» «Писатели на фронтах Великой Отечественной войны», работа над которым была начата в 1963 г. и завершилась лишь через десять лет. В 1964 г. редакция «ЛН» предприняла беспрецедентные по своему размаху разыскания биографических данных писателей-фронтовиков, охватив поисками архивы, институты, Министерство обороны, Президиумы Верховных советов союзных республик, региональных отделений СП СССР. Предполагалось, что словарь-справочник сосредоточит в себе сведения о писателях, принимавших участие в битве с фашизмом в годы

20 РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 6. Ед. хр. 14 а. Л. 1.

войны в действующей армии, в партизанских соединениях, в редакциях газет и журналов, а также о тех, кто участвовал в 1945 г. в войне с Японией, сведения о том, в каких частях и соединениях проходили они воинскую службу, в каких воинских званиях состояли, в каких военных изданиях сотрудничали, какие награды получали, какие книги были написаны ими и изданы в годы войны. Предельная эдичионная скрупулезность редактора «ЛН» Н. Трифонова требовала уточнить, например, когда именно был ранен Герой Советского союза Владимир Васильевич Карпов — 17 августа 1948 г. или 19 августа того же года. «Может быть, это противоречие вкралось в результате опечатки? Нельзя ли сверить с подлинником? Если же и в подлиннике разные даты, то какая, по Вашему мнению, вернее и где лучше сделать исправление (с оговоркой в примечании)?»²¹ Неохватность материала, плохая сохранность сведений вкупе с редакторской скрупулезностью исполнителей, требовавших документальной точности предоставляемых в «ЛН» сведений, стали в этом случае причиной того, что словарь-справочник так и не был завершён в свое время и был подготовлен к печати сотрудниками ОР ИМЛИ.

Сегодня, обращаясь к истории «ЛН» XX в., очевидно, что это время было периодом становления в условиях советской реальности академической школы текстологии и источниковедения, создания интеллектуальной и идеологической платформы, на которой вызревала новая генерация историков литературы.

Список литературы

Исследования

- 1 И.С. Зильберштейн: Штрихи к портрету. М.: Наука, 2006. 520 с.
- 2 «Литературное наследство»: Страницы истории. Из архива С.А. Макашина (К 80-летию основания издания) / публ. и подгот. текста А.Ю. Галушкина; вступ. заметки А.Ю. Галушкина при участии М.А. Фролова; коммент. М.А. Фролова и А.Ю. Галушкина // Русская литература. 2011. № 2. С. 63–98.
- 3 Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Т. 104. Кн. 1: «Литературное наследство» за 80 лет: Указатели к томам 1–103 за 1931–2011 годы / отв. ред. А.Ю. Галушкин; библиогр. ред. Е.Д. Лебедева при участии О.Я. Алексеевой; сост. А.Ю. Галушкин, Ю.Г. Кондратьева, Е.Д. Лебедева, Г.П. Манчха, Е.Н. Никитин,

21 РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 6. Л. 6.

- Г.А. Петрова, Л.Н. Подгуг, М.А. Фролов при участии Е.В. Михайлова и М.И. Трепалиной. 584 с.
- 4 *Московская Д.* Из истории литературной политики XX века. «Литературное наследство» как академическая школа // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 296–333.
- 5 Слишком «Новое о Маяковском»: Стенограмма заседания Бюро Отделения литературы и языка АН СССР 24 февраля 1959 г. / подгот. текста и коммент. А.Ю. Галушкина и М.А. Фролова // Литературный факт. 2017. № 5. С. 288–372. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-5-288-372

Источники

- 6 *Андроников И.* Более трети века // Литературная газета. 1965. 3 августа.
- 7 Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. 752 с.
- 8 *Галушкин А.* Слишком «Новое о Маяковском» // Новая газета. 2009. 3 апреля.
- 9 *Зелинский К.* Что делать, или О новой теории социальной обреченности // На литературном посту. 1931. № 2. С. 35–39.
- 10 *Иванов С.* Еще раз о комментаторах Лермонтова // Октябрь. 1949. № 5. С. 187–191.
- 11 *Кроленко А.А.* Дневник за 1928 год / предисл., публ. и коммент. И.В. Дацюк // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта. ИРЛИ, 2011. URL: <http://old.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=UaUgArnOGqg%3D&tabid=10460> (дата обращения: 21.10.2021).
- 12 *Летопись Российской Академии наук: в 4 т.* СПб.: Наука, 2007. Т. 4: 1901–1943. 1075 с.
- 13 *Макашин С.* Изучая Щедрина (Из воспоминаний) // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 131–132.
- 14 Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1: 1925 — июнь 1941 гг. 1023 с.
- 15 Н.П. Анциферов в воспоминаниях Е.Н. Дунаевой / предисл., публ. и коммент. И.М. Рудой // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича / отв. ред.-сост. Д.С. Московская. М.: ГЛМ, Три квадрата. 2014. С. 151–171.
- 16 От редакции // Литературное наследство / РАПП и Ин-т ЛИЯ Комкадемии. М.: Жур.-газ. объединение, 1931. С. 2–6.
- 17 *Рудой И.М.* Десятый том «Летописей» — последнее издание В.Д. Бонч-Бруевича в Гослитмузее // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича / отв. ред.-сост. Д.С. Московская. М.: ГЛМ, Три квадрата. 2014. С. 17–25.
- 18 *Сталин И.* О некоторых вопросах большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 3–12.

- 19 Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы). М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 176 с.
- 20 Шумихин С.В. В.Д. Бонч-Бруевич и И.С. Зильберштейн у истоков советского музейно-архивно-публикаторского дела // И.С. Зильберштейн: Штрихи к портрету. М.: Наука, 2006. С. 72–119.

References

- 1 *I.S. Zil'bershtein: Shtrikhi k portretu* [I.S. Silberstein: *Sketches for a Portrait*]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 520 p. (In Russ.)
- 2 “‘Literaturnoe nasledstvo’: Stranitsy istorii. Iz arkhiva S.A. Makashina (K 80-letiiu osnovaniia izdaniia)” [“*Literary Heritage: Events of History. From the Archive of S.A. Makashin (To the 80th Anniversary of the Founding of the Publication)*”, publ. A.Yu. Galushkin; Introduction, comments by A.Yu. Galushkin with the participation of M.A. Frolov; comm. by M.A. Frolov and A.Yu. Galushkin]. *Russkaia Literatura*, no. 2, 2011, pp. 63–98. (In Russ.)
- 3 *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 104, book 1: “Literaturnoe nasledstvo” za 80 let: Ukazateli k tomam 1–103 za 1931–2011 gody [80 years of *Literary Heritage: Indexes to Volumes 1–103 for 1931–2011*], ed. by A.Yu. Galushkin; comp. by A.Yu. Galushkin, Yu.G. Kondratiev, E.D. Lebedev, G.P. Mancha, E.N. Nikitin, G.A. Petrov, L.N. Podgug, M.A. Frolov with the participation of E.V. Mikhailov and M.I. Trepalina. Moscow, IWL RAS Publ., 2012. 584 p. (In Russ.)
- 4 Moskovskaya, D. “Iz istorii literaturnoi politiki XX veka. ‘Literaturnoe nasledstvo’ kak akademicheskaya shkola” [“From the History of the 20th Century Literary Politics. *Literary Heritage* as an Academic School”]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2018, pp. 296–333. (In Russ.)
- 5 “Slishkom «Novoe o Maiakovskom»: Stenogramma zasedaniia Biuro Otdeleniia literatury i iazyka AN SSSR 24 fevralia 1959 g.” [“Too ‘New about Mayakovsky’: Transcript of the Meeting of the Bureau of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences on February 24, 1959”, publ. by A.Yu. Galushkin and M.A. Frolov”]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 288–372. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-5-288-372 (In Russ.)